

Е. В. АНТОНЕЦ

МАРИАН ДЕ МАГИСТРИС (1441—1503)
И МАРИНАЛИИ РУКОПИСИ Cl. lat. Q. ch. 12 (РНБ)

Поводом к написанию этого этюда послужили комментарии на полях рукописи римских элегиков Проперция и Тибулла, хранящейся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки под шифром Cl. lat. Q. ch. 12.¹ Рукопись написана в Риме в 1463 г. Марианом де Магистрисом (лат. *Marianus de Magistris*, итал. *Mariano dello Mastro*). Биографические сведения о нем на основе архивных документов собрала итальянская исследовательница Кончетта Бьянка.² В русскоязычной литературе Мариану де Магистрису не уделяется специального внимания,³ поэтому мы сочли уместным изложить здесь результаты работы К. Бьянки, снабдив их некоторыми пояснениями.

Мариан де Магистрис родился 25 марта 1441 г. в знатной и весьма состоятельной римской семье, которая проживала в квартале Понте — одном из самых населенных кварталов Рима XIV—XV вв.⁴ Семья Мариана играла ведущую роль в экономическом подъеме Рима в XV в. Дед Мариана по отцу, Бенедетто делло Масто (Benedetto dello Mastro),⁵ нажил крупное состояние, за-

¹ *Bianchi C.* *Marianus de Magistris de Urbe*. Città del Vaticano, 1983 (далее: *Bianchi*).

² В отечественных работах мы нашли упоминание о Мариане де Магистрисе в статье В. Ф. Петровой «Античные авторы в латинских рукописях ГПБ» (в кн.: Книжн. Архивы. Автографы. Обзоры, сообщения, публикации. Москва, 1973. С. 169—173), где он назван «римским учителем», и в каталоге гуманистических рукописей ГПБ (Итальянские гуманисты в собрании рукописей Государственной Публичной библиотеки / Сост. Е. В. Бернадская. Л., 1981), где он назван «римским магистром». В обоих случаях фамилия писца по недоразумению была принята за его профессию.

³ В начале XV в. в Риме было 13 кварталов; разделение на кварталы не соответствовало античному и сложилось в течение XIII в.; а официальные названия кварталов появились в конце XIV в. и сохранились до настоящего времени. Квартал Понте (итал. *pione di Ponte*, лат. *regio Pontis*) получил свое название от моста Ангела и имел свое знамя с изображением моста с башнями на красном поле. См.: *Грегорио-вичу Ф.* История города Рима в Средние века / Пер. с нем. СПб., 1886. Т. V—VI. С. 390—393.

⁴ Бенедетто предпочитал итальянский вариант своей фамилии (*dello Mastro*), в то время как Мариан — ее латинизированную форму (*de Magistris*).

нимаясь торговлей (он упоминается в документах как *mercator* и *calcectarius*). Он владел несколькими домами и садами и на свои деньги выстроил в церкви Св. Цельзы и Юлиана капеллу Св. Иакова и завещал ее этой церкви в соответствии с обычаями того времени. Эта церковь стала семейной усыпальницей семьи делло Масто.⁵ Бенедетто занимал видное место в политической жизни города. Так, в 1431 г. он был капитаном (*capoione*) квартала Понте,⁶ в 1449 г. занимал пост *magister aedificorum*, а в 1451 г. был *guardiano* самого престижного в Риме братства Спасителя.⁷ Сыновья Бенедетто упрочили успехи своего отца. Дживорно делло Масто (*Givorio dello Mastro*), отец Мариана, в 1451 г. капитан Понте, был связан с папской курией и братством Спасителя, дядя Мариана, Томмазо делло Масто (*Tommaso dello Mastro*), был каноником Латеранской базилики при папе Николае V (1447—1455), а дядя Паоло (*Paolo dello Mastro*) в 1452 г. был капитаном Понте, в 1472 г. занимал пост *magister stratarum*⁸ и также входил в братство Спасителя.⁹

Не менее престижной была карьера самого Мариана. В зрелые годы он служил писцом в папском пенитенциарии — департаменте курии, занимавшемся «покаянными делами», т. е. изготовлением и продажей особых грамот об искуплении грехов (индальгенций). Пенитенциарий был могущественным учреждением, он выполнял часть функций самого папы и обладал правом юрисдикции.¹⁰ Точная дата начала работы Мариана в пенитенциарии неизвестна, но впервые его имя встречается в документах этого департамента от 1469 г. По-видимому, Мариан работал в пенитенциарии до последних лет жизни, так как он называется

⁵ Все члены семьи делло Масто, в том числе и Мариан, были похоронены в церкви Св. Цельзы и Юлиана (сохранилось описание надгробия и эпитафии Бенедетто). В 1503 г. при папе Юлии II эта церковь была разрушена (см.: *Giolio F., Zander G.* *Le Chiese di Roma dall'XI al XVI secolo*. Bologna, 1963. P. 126; *Buchowiecki W.* *Handbuch der Kirchen Roms*. Wien, 1967. I. P. 519—520).

⁶ Каждый римский квартал имел своего капитана (*capoione*), пользовавшегося в нем правом юрисдикции.

⁷ Заботе братства Спасителя (*confraternità del San Salvatore*) был вверен госпиталь Спасителя (*Hospitalis Salvatoris ad Sancta Sanctorum de Urbe*), расположенный рядом с Латеранской базиликой.

⁸ *Magister stratarum* должен был следить за состоянием римских улиц и площадей, что обождал его с древними эдильми. См.: *Грегорио-вичу Ф.* История города Рима... Т. V—VI. С. 390—393.

⁹ Перу Паоло делло Масто принадлежат сочинение «Il Diario e memorie delle cose accadute in Roma» (1422—1488), в котором рассказывается о наиболее важных семейных и городских событиях. Il Diario трижды публиковалось: II Buonarroti. *Ser. II*, 10 (1875) / Ed. A. De Antonis. P. 3—13, 37—59, 109—119, 141—148; *Arch. Soc. romana*, 16 (1893) / Ed. M. Pelaez. P. 41—130; *La Mesticanza di Paolo di Lello Petrone* / Ed. Fr. Isoldi // *RIS* (2 ed.), 24/2 [1910—1912]. P. 85—100). Любопытно, что в своем первом издании Мариан ссылается на некую *liber recordationum ipsius testatoris* (*Bianchi*, P. 561, 590), в которой были собраны записи расходов, частные письма и, возможно, говорилось о важных событиях.

¹⁰ О пенитенциарии см.: *Лозанский С. Г.* Палатский «департамент покаянных дел» // *Лозанский С. Г.* История папства. М., 1961. С. 407—439; *Губулин П.* Загробная жизнь как предмет спекуляции. М., 1930; *Göller E.* *Die päpstliche Pönitentiarie von ihrem Ursprung bis zu ihrer Umgestaltung unter Pius V.* 1907—1911. Bd. I—II.

апостолическим скриптором в нотариальных документах вплоть до 1499 г.¹¹ Папская курия была хлебным местом и сулила солидные доходы: возможно, именно благодаря этому Мариан не только сохранил доставшееся ему от деда наследство, но и приумножил его. О росте его благосостояния можно судить по двум его завещаниям, первое из которых составлено в 1474 г. и содержит в основном перечень долгов, являясь скорее фидеикомисом, а из второго, написанного в 1503 г., перед самой смертью, следует, что Мариан владел тремя домами в Риме, богатой утварью, виноградником, имел крупный счет в банке (493 дуката золотом) и большую сумму денег (360 дукатов) хранил дома. Упрочению экономического положения способствовала женитьба Мариана (состоявшаяся до 1474 г.) на Агостине де Параронibus (Agostina de Paragonibus), из богатого римского семейства и затем, после смерти Агостины, — на ее сестре Фаустине.¹² Следуя семейной традиции, Мариан в 1472 г. вошел в братство Спасителя, а в 1499 и 1503 гг. был *guardiano* братства. Наиболее ощутимым знаком высокого социального положения Мариана и символом богатства и благочестия было сооружение им капеллы Св. Антония в церкви свв. Цельзы и Юлиана. Мариан умер 17 ноября 1503 г., завещав похоронить себя в построенной им капелле Св. Антония, и оставил капелле один из своих домов в квартале Понте, с тем чтобы часть доходов от этого дома шла капелле, а часть поступала Госпиталю Спасителя, причем капеллан названной капеллы должен был каждую неделю служить четыре мессы на помин души (*pro anima*) самого Мариана и всех его предков. Мариан распорядился не делать на гробнице своего изображения и ограничиться эпитафией, а часть своих денег завещал бедным детям в соответствии с обычаем братства Спасителя.¹³

О молодых годах Мариана де Магистриса и о том, какое образование он получил, в точности ничего неизвестно. Впрочем, сам факт, что Мариан работал писцом в таком солидном учреждении, как папский пенитенциарий, подразумевает, что он должен был получить соответствующую специальную подготовку. Известно, что Мариан занимался переписыванием не только папских грамот, но и литературных произведений. Сохранились три рукописи, которые Мариан переписал в 1461—1465 гг., т. е. в возрасте 20—25 лет: *Vaticanus latinus* 1690, *Petropolitanus Cl. lat.*

¹¹ Мариан именуется *scriptor Penitentiarie* в акте 1472 г., *litterarum sacre Penitentiarie scriptor* — в акте 1474 г. и *scriptor apostolicus* в акте 1499 г.

¹² Эти оба брака не принесли Мариану законных наследников, поэтому все его состояние (после смерти или нового брака жена), согласно его завещанию, должно было перейти к двоюродным братьям Мариана, сыновьям Паоло делла Мастро (в завещании Бенедетто делла Мастро оговорено, что семейное имущество может наследоваться только по мужской линии, и Мариан следует этому правилу). Это способствовало сохранению фамильного имущества. Примечательно, что у Мариана был внебрачный сын Джулио, отцу шед которым после своей смерти Мариан завещал своей жене Фаустине или двоюродному брату (по их усмотрению).

¹³ Оба завещания Мариана (1474 г. и 1503 г.) опубликовала К. Бьянка в приложении к своей работе (с. 568—597).

Q. ch. 12 (РНБ) и *Oxonienis* 93. Самая ранняя рукопись — *Vat. lat.* 1690 — состоит из нескольких тетрадей, написанных в разное время, и содержит *De ingenuis moribus* Пьетро-Паоло Верджеро (переписано 9 апреля 1461 г.), *Epistulae ad familiares* Цицерона (датировано 30 января 1462 г.), отрывок из перевода Гомера на латинский язык, выполненный Леонардо Бруни Аретино, и два стихотворения Никколо делла Валле: *Quando Pius secundus fecit cardinales* и *In Paedagogum Graecis litteris detrahentem* (оба стихотворения сохранились только в списке, сделанном Марианом). Второй по времени написания кодекс — *Cl. lat. Q. ch. 12* содержит элгии Проперция (переписаны 21 февраля 1463 г.) и Тибулла (15 марта 1463 г.), а третий — *Oxon. 93* — *Elegantiae* и *De potulis Raudensis* Лоренцо Валлы (закончен 23 мая 1465 г.). К. Бьянка предположила (правда, с оговорками), что некоторые из перечисленных сочинений Мариан переписал для себя, а не на заказ и что, возможно, подбор произведений отражает его личные вкусы. Она также в общих чертах нарисовала круг возможных знакомых Мариана. Любопытно, что его имя упоминает Марк-Антонио Альтьери¹⁴ — ученик Помпония Лета, главы Римской академии.¹⁵ К. Бьянка не без оснований предполагает возможное знакомство и даже дружбу Мариана с Николо делла Валле — талантливым римским поэтом, который первым перевел на латинский язык «Труды и дни» Гесиода. Семьи Мариана и Никколо издавна связывали тесные отношения: так, дед Мариана, Бенедетто делла Мастро, был поручителем за семью делла Валле в одном акте о продаже, а Пьетро делла Валле (дядя Николо) — душеприказчиком Бенедетто.¹⁶

Итак, Мариан де Магистрис, переписавший рукописи *Cl. lat. Q. ch. 12*, был знатным и состоятельным человеком, занимавшим

¹⁴ *Li Nuptiali* di Marco Antonio Altieri / Ed. E. Narducci, Roma, 1873, P. 144.

¹⁵ Вокруг известного гуманиста Юлия Помпония Лета образовался кружок ученых и поэтов, периодические собрания которых, сопровождавшиеся спесивскими представлениями, речами, декламациями и шутками, привели к образованию в 60-е годы XV в. Римской академии, которая просуществовала вплоть до отступления Рима в 1527 г. Гуманистическая академия была новой формой самоорганизации интеллигенции, свободным союзом ученых-гуманистов (см.: *Буржески Л.* Культура Италии в эпоху Возрождения. СПб., 1905—1906; История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / Под ред. Л. М. Брагинной. М., 1999, С. 46—47).

¹⁶ Увлечение древностью было семейной страстью делла Валле. Ченцо Рустичи (дядя Николо по матери) «был учеником Франческо да Финао и товарищем Поджо Браччолини, с которым в эпоху Констанцского собора он был занят поисками античных рукописей в швейцарских монастырях... Отец Николо, Леджо делла Валле, коллекционировал вместе с братом Пьетро антики и надписи и был столь учен, что первый мог обратить внимание Юлия Помпония Лета на неизвестного еще тому Варрона. Двор дома Пьетро на углу улицы делла Валле и площади их же имени «был украшен двумя замечательными античными статуями Пана — ныне в Капитолийском музее — и не менее знаменитыми «fasti Vallerenses»... В то же время в соседнем доме жила с «*menologium rusticum*» вместе с другими надписями явилась голова Зевса» (*Хоминтовски А. И.* Итальянская гуманистическая эпитафия: ее судьба и проблематика. СПб., 1995, С. 99 и 142). О семье делла Валле см. также: *Khomentovskaya A.* La famiglia Della Valle nella storia dell'epigrafia umanistica // *Archivio della Società romana di storia patria*. 1935. Vol. I (58). P. 99—118.

высокое положение в обществе и, по-видимому, хорошо знаком по крайней мере с некоторыми римскими гуманистами.

После этого историко-биографического экскурса вернемся к главной нашей теме, а именно — к примечаниям, содержащимся в рукописи Проперция и Тибулла, переписанной Марианом. Сразу отметим, что большая часть интерлинейсных и маргинальных комментариев относится к первой и второй книгам Проперция, в остальном тексте Проперция и Тибулла на полях встречаются только разночтения, пропущенные стихи и изображения руки с указующим перстом. Кроме того, в примечаниях хорошо прослеживаются три почерка: первый почерк и по написанию букв, и по цвету чернил идентичен почерку, которым написан текст самих элегий, и, несомненно, принадлежит Мариану. Вторым почерком, который отличает прежде всего темный цвет чернил, написаны некоторые комментарии, сделаны исправления основного текста и дописаны некоторые предыдущие (т. е. сделанные первой рукой) глоссы. Наконец, третьей рукой очень светлыми чернилами (светлее, чем основной текст и глоссы первой руки) написаны несколько глосс и сделаны несколько исправлений основного текста. Затрудняясь пока определить принадлежность второго и третьего почерков какому-либо лицу, мы из осторожности не будем пока относить их к Мариану, хотя и не исключаем возможность того, что эти замечания добавлены именно Марианом при повторном прочтении рукописи. К. Бьянка обнаружила автограф Мариана, отличающийся по почерку от известных нам его рукописей.¹⁷ Без сопоставления этого автографа с глоссами второго и третьего почерков петербургского кодекса нельзя делать выводов о том, принадлежит ли хотя бы один из них Мариану. Итак, в дальнейшем речь пойдет только о примечаниях первого почерка, принадлежность которого Мариану не вызывает сомнений.

Цель нашего обращения к комментариям в переписанной Марианом рукописи римских элегиков заключается в том, чтобы с их помощью попытаться охарактеризовать личность Мариана, уровень его образованности, его вкусы, пристрастия, очертить круг волновавших его тем и ответить на вопрос, поставленный К. Бьянкой на первых страницах своей работы: следует ли воспринимать Мариана как простого профессионального переписчика или как всесторонне образованного человека, проникнутого, подобно многим своим современникам, страстным увлечением *studia humanitatis*. Сама К. Бьянка изучила примечания на полях Ватиканского кодекса, переписанного Марианом (а именно — относящиеся к *Epistulae ad familiares*), и пришла к выводу, что некоторые из них несомненно принадлежат ему самому, а не восходят к оригиналу, с которого был сделан список. К. Бьянка подчеркивает, что Мариан был внимательным переписчиком, хо-

рошо знал Цицерона, обнаружил вкус и внимание к поэзии и даже сам написал два дистиха, посвященные Цицерону,¹⁸ он вникал в текст и отмечал для себя интересные и важные отрывки, но греческого языка не знал. Представляется интересным развить это направление исследования и подробно рассмотреть комментарии в другой рукописи, переписанной Марианом, а именно — в петербургском кодексе Cl. lat. Q. ch. 12.

Находящиеся в рукописи примечания распадаются на две группы. В первую входят те примечания, которые написаны тем же крупным письмом, что и основной текст. Они выделяются на фоне гораздо более мелких остальных замечаний и, по-видимому, заносились Марианом в рукопись одновременно с написанием основного текста. В эту группу входят, во-первых, имена собственные, вынесенные на поля кодекса. Для всех элегий Проперция и Тибулла их немного: *Acron, Caeninus, Tityos, Romulus, Delia, Osiris, Ovidius, Nonius Marcellus, Varro, Leucadia, Argus, Io, Cossus, Calvus, Claudius, Catullus, Messala, Cynthia, Homerus*, но они чрезвычайно интересны. Возможно, Мариан выписывал имена для того, чтобы затем снабдить их пояснением (как, например, к выписанным именам римских элегиков Мариан добавил более мелким почерком имена их возлюбленных: *Catullus — Lesbia, Calvus — Quintia, Gallus — Lycoris, Propertius — Cynthia*), или для того, чтобы было легче отыскать имена в тексте, создав своеобразный именной указатель. В любом случае имена собственные на полях представляют один из начальных этапов работы над текстом. Особо следует отметить, что среди выписанных на поля слов есть единственное слово, не являющееся именем собственным — это слово *facula* (*Prop. II.29.5*). Вероятно, оно было непонятно Мариану и заинтересовало его еще при переписывании текста, поэтому он сразу отметил его, а потом, при вторичном чтении и разборе текста, добавил глоссу *faculas — parvas ignes*. Этот пример — яркое свидетельство того, что Мариан сам работал над текстом элегий.

К примечаниям первой группы относятся, во-вторых, вынесенные на поля варианты текста, вводимые наречием *aliter*. К. Бьянка указывает на наличие разночтений с *aliter* на полях ватиканского кодекса в *Epist. ad fam.* и предполагает в этом попытку колляции, быстро прерванную, так как варианты текста встречаются лишь в самом начале рукописи. В отличие от ватиканской рукописи, в петербургской разночтения с *aliter* есть по

¹⁸ См.: *Bianca*. Табл. 40: *Sum liber et cori species et carta basini / Tullius hoc primum condidit auctor opus. / Hic patet altus honos studiorum et gloria siquis / Gaudet ingenuis verba locare divi («Я — книга, имеющая облик кожи и бумаги-бомбидины. Впервые этот труд написал Тулий: здесь открывается возмущенная краса учености и слава для того, кто любит воздавать словеса благородным богам»)* Отметим, во-первых, непервое чтение *car*, приведенное К. Бьянкой в ее транскрипции на с. 572 (в рукописи скорее следует читать не *car*, а *cori*, ср. аналогичное написание буквы *o* в словах *hoc* и *locare*) и, во-вторых, ее неправильный перевод этих двух дистихов. Что касается самого стихотворения, то в нем допущены две метрические ошибки: на самом деле в слове *corium* («кожа») «о» — краткий, а в слове *divus* («божественный») — *i* долгий.

¹⁷ Этот автограф — надпись, сделанная Марианом в 1500 г. на титульном листе рецепта по поводу взыскания займы хорутви (*ASR, Ospedale del SS.mo Salvatore*, 28, с. [1 r]). см.: *Bianca*. P. 571—572. Примеч. 74.

всему тексту обоих элегиков. Большая часть разночтений внесена письмом основного текста (по-видимому, одновременно с его написанием), меньшая часть — мелким письмом глосс (возможно, при повторном прочтении рукописи). Вот все разночтения для Проперция: *seros* — al. *saccos*, *fixa* — al. *nixa*, *munera* — al. *mutua*, *arata* — al. *aratra*, *mollia* — al. *lenia*, *posthaec* — al. *posthac*, *no-lim* — al. *nolit*, *quaevis* — al. *quovis*, *turpis* — al. *tristis*, *potuit* — al. *poterat*, *italicis* — al. *ityacis*, *hesterno* — al. *externo*, *non* — al. *ne*, *movere* — al. *monere*, *meis* — al. *mihi*, *incinit* — al. *iniicit*, *avari* — al. *amari*, *abire* — al. *habere*, *ratis argo* — al. *rudis argus*, *iuratur* — al. *iurarunt*, *Iope* — al. *Iolae*, *lusu* — al. *luxu*, *seros* — al. *saccos*, *promissum* al. *provisum*, *natis* — al. *vatis* и для Тибулла: *fida* — al. *firma*, *artes* — al. *herbas*, *multa reperta via* — al. *mille repente viae*, *adducit* — *adiungit*, *canus* — al. *carus*, *praecinit* — al. *exprimit*, *mesopio* — al. *mopsopio*, *rustica* — al. *mystica*, *leniter* — al. *leviter*, *lacteus* — al. *quo fertur, si non prodestis amanti — si nihil ista valent, fata — vel facta, fundaverat — formaverat, si — vel sit, modo* — al. *bene, sua* — al. *sacris*, *nimum* — al. *niveum*, *stillabat* — al. *spirabat*, *sono* — *vel modo*, *mentis* — *vel linguae*, *meis* — *vel senex*, *at — vel ut, iam* — *vel nec, quisque tibi — vel nam te, tetro* — *vel Tyrreno, fuisse* — *vel puella*. Бросается в глаза, что подавляющее большинство разночтений Проперция, вводимых *aliter* (21 из 25), можно объяснить затруднением в прочтении слова в связи с его сокращением или смешением схожих по написанию букв, поэтому, возможно, некоторые разночтения принадлежат Мариану и вызваны его неуверенностью в чтении оригинала. В тексте Тибулла, напротив, почти все разночтения не объясняются палеографически, и многие из них вводятся, между прочим, другим наречием — *vel*. Таким образом, если разночтения в тексте Проперция и можно было бы приписать Мариану, то в отношении Тибулла совершенно очевидно, что они принадлежат кодексу-оригиналу, тем более что имеют параллели в других рукописях. Так что можно утверждать, что по крайней мере часть разночтений Мариан перенес из рукописи-оригинала, создав для себя своего рода аппарат.

Особого внимания заслуживают стихотворные икты, а также цезуры и элизии, отмеченные Марианом в некоторых стихах вертикальными штрихами. Например: Prop. II.3.32: *post Helenam | haec terris forma secunda redit*; Tib. III.2.15: *praefatae ante meos manes | animamque negante*; Tib. I.1.57—58: *non ego laudari curo | mea Delia tecum*; Tib. IV.1.39—40: *quisque tibi maiora gerit | chart'isve for'ove / nec tamen hic aut hic tibi laus mai'orve min'orve*. Если можно сомневаться в том, что разночтения Мариан выписывал для себя, то нет сомнений, что ударения и паузы он представлял именно для себя, скандируя про себя (или вслух, или слушая чтение кого-то другого) текст элегий. Это свидетельствует о том, что он не механически переписывал текст, а вникал в него, и позволяет предположить, что и остальные примечания Мариан писал для себя, стараясь разобрать и понять текст. Нам неизвестны условия, в которых Мариан читал элегиков (возможно, это

была Римская академия), но по крайней мере есть все основания думать, что Мариан, подобно многим своим современникам, питал интерес к античной поэзии и изучал ее.

Влияние эпохи выразилось еще в одном примечательном факте, а именно в эпитафиях, которые Мариан выделил в тексте элегий волнистыми линиями и подписями на полях: Prop. II.13.35—36 (i. mg. — *epitaphium Propertii*); Prop. IV.7.85—86 (i. mg. — *Cynthiae epitaphium*); Tib. I.3.55—56 (i. mg. — *epitaphium*); Domitii Marsi epigramma (i. mg. — *epitaphium Tibulli*). О том, какое значение придавалось эпитафии в XIV—XVI вв., рассказывает А. И. Хоментовская в своей книге, посвященной итальянской гуманистической эпитафии.¹⁹ Интерес к жанру эпитафии пробудил Петрарка, и с тех пор она стала необычайно популярна. Характерным для эпохи было стремление уже при жизни подготовить достойное место для своего праха и начертать на нем достойную надпись — это представлялось важным и составляло предмет особого внимания и заботы. Нередко устраивались специальные конкурсы, причем «ведущая роль принадлежала здесь Римской академии, которой как коллективу на протяжении всей ее истории свойственно было тяготение к античному ритуалу и зрелищу... На похоронах Помпония Лета²⁰ — понтифекса, по сообщению Павла Иовия, эпитафии были оглашены над могилой в поэтическом состязании, причем пальма первенства присуждена была Понтано».²¹ Помимо конкурсов составлялись сборники эпитафий и возникали опыты ее научного изучения.²² Так что за волнистыми линиями, которыми Мариан отмечал эпитафии в тексте римских элегиков, стоит не простой интерес, а целый мир эмоций и представлений и свойственное той эпохе трепетное внимание к последнему приюту бренного тела. В своем первом завещании Мариан распорядился сделать себе простой памятник без изображения, но с надгробной надписью. Вполне возможно, что эту надпись Мариан приготовил заранее и даже обсудил со своими друзьями.

Наконец, важное значение для понимания личности Мариана имеют те отрывки, которые он отметил в тексте элегий особыми знаками: изображением руки с указующим перстом (*manicula*) и волнистой линией с завитками (*serpentina*).²³ Среди заинтересовавших Мариана пассажей есть афоризмы (*sententiae*) в 1—4 стиха (их большинство — 45 из 56) и пространные, от 6 до 19 стихов. Они в основном касаются темы любви и говорят о ее неотвратимости (Prop. II.8.57—58, За.8, 22.14), силе (Prop.

¹⁹ Хоментовская А. И. Итальянская... эпитафия... СПб., 1995.

²⁰ Помпоний Лета умер в 1498 г.

²¹ Хоментовская А. И. Итальянская... эпитафия... С. 65.

²² Там же. С. 67.

²³ *Manicula* — рисунок, изображающий маленькую руку с вытянутым указательным пальцем, которая показывается из рукава одежды; на рисунке иногда располагается надпись. Этот знак помещали на полях для того, чтобы обратить внимание на определенное место текста (см.: *Maniaci M. Terminologia del libro manoscritto*. Roma, 1996. P. 201).

I.9.23—24, II.12.1—8, 14.18, 16.35—36, 23.24, 32.2; Tib. II.6.17—22), о страдании (Prop. II.17.9), о ее величии и ценности (Prop. I.14.8, II.5.16, IV.3.49; Tib. I.44.77), переменчивости и ненадежности (Prop. I.15.41, II.5.11—13, 6.39, 8.7—12, 18a.21—22, 24b.41—41, 25.22, 25.27—28, 34.3; Tib. I.5.69—70, III.6.49), об обманах и восторженности женщин (Prop. II.9.31—38; Tib. III.4.61—67), о ревности (Prop. I.11.16—20, II.6.9—16), о своевременности любви (Prop. I.7.26), об оправдании «вольной жизни» в любви (Prop. II.32.43—58). В афоризмах также идет речь о красавицах (Prop. II.16.26, 32.26), о пагубности вина (Prop. II.33.27—35), о губительной власти золота (Prop. III.13.48—50; Tib. I.9.18), о следовании законам природы (Prop. II.18b.25, 22.17—18, III.9.20). Кроме того, Мариан подчеркивает фразы, в которых кратко сформулирована идея преходящей жизни и неминуемой старости и смерти (Prop. II.11.3—4, 15.24, 28c.57—58; Tib. I.4.27—38, 8.47—48). Остальные фрагменты либо касаются общих тем (Prop. II.1.43, 4.17—18, 13.52, III.5.17, 6.5—6, IV.8.54; Tib. I.4.17—18, 9.4), либо содержат советы влюбленному (Prop. I.10.21—24; Tib. III.4.75—78). Все приведенные пассажи носят всеобщий характер, они безличны, и поэтому можно было бы полагать, что Мариан отмечал их в учебных целях, получив, например, задание выписать все афоризмы. Но, с другой стороны, подборку сентенций нельзя объяснить спецификой текста элегий, так как выражений афористического характера у Проперция и Тибуллы гораздо больше и их тематика значительно шире, Мариан же сосредоточивал свое внимание главным образом на теме любви (все подчеркнутые им мотивы выстраиваются в такую цепь: сильная страсть, обман или измена в любви, любовь в браке), причем скорее несчастной любви, так как преобладают мотивы обмана и ненадежности. Возможно, выделенные места отражают личные переживания Мариана, что неудивительно, если учесть его возраст (в 1463 г., когда он переписывал рукопись, ему был 21 год). Второй мотив, сквозящий в выделенных фрагментах — мотив быстро уходящей молодости, скоротечности жизни и надвигающейся смерти. Он перекликается с интересом Мариана к эпитафии и еще раз говорит, как остра была для него эта тема.

Из больших отрывков, выделенных Марианом, особенно интересен один — Prop. II.34.61—80, где речь идет о творчестве Вергилия. Напротив него Мариан написал на полях рукописи: *Laus Virgilii* — действительно, Проперций воспекает Вергилия, упоминая его произведение: «Энеиду» (ст. 63—66), «Буколики» (ст. 67—74) и «Георгики» (ст. 75—78). Любопытно, что к тому месту, где Проперций, говоря о «Георгиках», уподобляет Вергилия Гесиоду, «седому поэту аскрейцу», автору поэмы «Труды и дни», Мариан на полях сделал заметку *Asra civitas Hesiodi*, которая является самым полным сообщением о поэтах во всем комментарии нашей рукописи. Нельзя ли усмотреть в этом свидетельстве того, что Мариан знал Гесиода и имел больше сведений о нем благодаря знакомству с переводом «Трудов и дней», который в то время осуществлял Никколо делла Валле? Отметим,

кстати, что отец Никколо, Лелио делла Валле, был магистром печати и издал перевод «Трудов и дней» еще при жизни сына в числе первых книг, «прошедших через печатный станок в Риме».²⁴

Итак, мы рассмотрели примечания первой группы, которые, как мы предположили, заносились в рукопись непосредственно при переписывании текста элегий. Теперь перейдем к изучению собственно комментария, т. е. примечаний, написанных на полях и между строк более мелким и беглым почерком (почерком глосс). Мариан внес эти примечания, по-видимому, при повторном чтении текста, одновременно исправляя незамеченные при переписке ошибки (вторичное исправление текста хорошо видно в рукописи: оно произведено мелким почерком глосс, в то время как непосредственно при переписывании Мариан исправлял описки и ошибки тем же крупным почерком, каким написан основной текст). На то, что Мариан перечитывал, проверял и исправлял текст *Epist. ad fam.* в ватиканском кодексе, указывает К. Бьянка, так что петербургская рукопись подтверждает эту его привычку.

Почерк основного текста и почерк глосс обычно отличаются друг от друга — это общая закономерность, свойственная рукописям, и рассматриваемый кодекс не является исключением. Но, с другой стороны, в нем этот контраст довольно силен: достаточно четкому и степенному, несмотря на курсивный характер, почерку основного текста резко противопоставлен быстрый, почти летящий почерк глосс, изобилующий сокращениями. Сокращения встречаются и в основном тексте,²⁵ но в глоссах они явно доминируют над полными написаниями и вызваны не нехваткой места, а явным стремлением к ускорению процесса письма: сокращаются практически все *g, m, (e-/i-)n, con*, встречающиеся в словах; почти все сочетания *tur, pro, per, grae, ver, qui(-ae, -a), bus, mus, rum, ul*; сокращению подвергаются целые слова: *et, homo (-inis), mihi, semper, sunt, nam, bene, contra, hoc modo*. Обилие сокращений крайне затрудняет понимание текста и требует хорошего знания латинского языка и знания предмета, о котором идет речь в том или ином примечании. Кроме того, глоссы написаны менее аккуратно, без соблюдения пространственных рамок, в них нередко встречаются зачеркивания слов, не вызванные обычным перескоком глаза на другую строку при переписке, а связанные, по-видимому, с формулированием фразы. Небрежность оформления и плохая разборчивость комментария наводит на мысль, что он не был рассчитан на постороннего читателя, а служил скорее рабочим инструментом самого переписчика и владельца кодекса — Мариана. Это еще более укрепляет нас в вы-

²⁴ Хемелтонская А. И. Итальянская... эпитафия... С. 100. Первое издание перевода: *Hesiodi poetae opera et dies Georgicon Nicolai de Valle e greco converso*. S. I. S. a. (Romae).

²⁵ В основном тексте практически не встречается суспензий, а сокращениям подвергаются только некоторые сочетания букв внутри часто употребляемых слов: *habere, forma, et, esse, forte, secunda, est, nunquam, ante, qua(-ae, -i), ipse, quod, nostra*, что не затрудняет чтение.

сказанном выше мнении, что Мариан, во-первых, писал кодекс для себя самого, а, во-вторых, сам изучал текст элегий, а не просто переписывал его. Беглость в начертании примечаний может объясняться тем, что некоторые из них (если не все) Мариан не переписывал из рукописи-оригинала, а записывал на слух (может быть, при чтении элегий в Римской академии?).

Перейдем теперь к характеристике самого комментария. Как оказалось при ознакомлении с ним, он имеет довольно стройную структуру, выполнен на хорошем уровне и включает в себя грамматический и реальный комментарий.

Грамматический комментарий разделяется на несколько уровней. Первый уровень — синтаксический. Он включает в себя объяснение синтаксических связей в предложении и уточнение синтаксических конструкций: *quippe ubi — quia, perfusa — sunt, facta — i. e. est, turpis — sc. est, quo — ut, illa — Aurora, quem — puerum, ille — Achilles, hic — Hector, quae — vota, dicat — aliquis, venti — o vos venti, ausa — fuisti, cum — quando, quae — lumina.*

Объяснение синтаксиса тесно связано со вторым уровнем — содержательным, охватывающим объяснение хода мысли и содержания посредством добавления поясняющих слов, которые пишутся между строк основного текста и обычно вводятся путем *scilicet* или *id est*, например: *desertus — ab amica, corpus — meum, sorores — musas, pater — Bacchus, ordo — homines, tabula — sc. in navi, pocula — i. e. mors, culpa — morbi suae.* При разборе содержательной стороны у комментатора иногда возникали затруднения и сомнения: например *Prop. II.27.13 remex — Charon aut ipse amans*; здесь особенно примечательно чисто филологическая помета *dubius textus* к *Prop. II.13.47.*

Третий уровень — лексический, к нему относятся толкование значений слов при помощи синонимов или синонимичных выражений (например: *saecula — aetates, sapit — cognoscit, Indica — ex India, mortali — homini, vesana — non sana, rumor — fama, sermo — fabula, salva — non contaminata, et modo — paulo ante, peraeque — aequaliter, pudicitia — castitas*), а также конкретизация значения многозначных слов в данном контексте, или пояснение слов, употребленных в переносном значении (например: *sonitus — tonitus, exitus — mors, liquore — aqua, potens — dives, volucres — vultures, pecoris — vaccae, sono — mugitu, domo — caelo, latices — aquas, illustres — nobiles, eoa — orientali*). Сюда же входит объяснение малопонятных, незнакомых и редких слов, например: *parma — genus scuti, proga — prior pars navis, faculas — parvos ignes.* Последний случай следует выделить особо, так как редкое слово *facula*, по-видимому, заинтересовало Мариана еще при переписывании текста и он сразу выписал его на поля (см. выше), а потом добавил пояснение (*faculas — parvos ignes*). Интересно, что среди примечаний обнаружилась попытка этимологии: *rosidus a rosa, roscidus a rore и hedera — ab hacrendo*, причем последняя очень близка по своему характеру античным этимологиям.

Наконец, четвертый уровень — морфологический, подразумевающий объяснение форм слов (примеров немного: *imitare — -ris, ausim — pro audeam*).

К грамматическому комментарию примыкает риторический, заключающийся в выделении в тексте фигур и тропов. Впрочем, во всем тексте встречается лишь несколько замечаний, посвященных фигурам, — вероятно, эта тема не входила в область интересов комментатора. Тем не менее примечательно само наличие в комментарии греческих терминов (например, *metathesis, synecdoche, epitheton*) и правильное их употребление, несмотря на то что написаны они с ошибками — это неудивительно, так как Мариан не знал греческого языка, как установила К. Бьянка. Помимо греческих, в комментарии встречается и латинский термин *appositive*.

Большое место занимает реальный комментарий, включающий в себя объяснение реалий мифологии, истории, географии и быта. При этом доминирующее значение имеет мифология, что вполне понятно, учитывая насыщенность текста Проперция мифологической «ученостью». Почти все встречающиеся в тексте имена мифологических персонажей получают толкования, которым нередко сопутствует изложение соответствующего мифа. Впрочем, некоторые имена вызывают затруднения, например, комментатор не понял, что под словом *Cytaeis* (*Prop. II.4.7*) подразумевается Медея, и прокомментировал его так: *Cythaeis quaedam venefica mulier.* Нет смысла подробно рассматривать здесь все примечания, касающиеся мифов, важно отметить то, что их очень много (следовательно, мифология была малознакомой областью для Мариана и интересовала его) и что они достаточно надежны (что говорит о компетентности источника Мариана).

Исторический комментарий сводится к кратким пояснениям имен исторических лиц (например: *Tatius — vir maximae prudentiae Sabinus; Tullus — amicus Propertii*), или, реже, к более пространному сообщению, например: *Phalaris — tyrannus* (далее следует подробный рассказ о его зверствах). Особое внимание уделяется поэтам, им посвящены следующие примечания: *Lino — Linus poeta graecus; Astrei — Hesiodi, Ascrea civitas Hesiodi; Varro — Leucadia; Catullus — Lesbia; Calvus — Quintilia; Gallus — Lycoris; Propertius — Cynthia; Ponticus — poeta*, а также уже упоминавшееся *Laus Virgili*. Как видно, круг поэтов, с которыми был знаком (пусть даже лишь знал по именам) Мариан, весьма широк и включает Варрона. Известно, что рукопись Варрона была найдена Боккаччо, а первым из гуманистов, кто занялся серьезным изучением Варрона, был, по-видимому, Помпоний Лет (1428—1497). Он читал лекции о Варроне, написал комментарий к его трактату «О латинском языке» и в начале 70-х годов XV в. издал это сочинение Варрона. В XV в. Варрон становится одним из самых читаемых авторов.²⁶ Примечательно, что на Варрона ука-

²⁶ Степанова Л. Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV—XV веков. СПб., 2000. С. 158, 170.

зал Помпонию Лету не кто иной, как Лелио делла Валле, так что присутствие в примечаниях Мариана имени этого грамматика (и тем более имени его возлюбленной) может указывать на два возможных «источника» Мариана — Лелио делла Валле или Помпония Лета.

В комментарии не оставлены без внимания и географические названия, которые получают вполне удовлетворительные толкования, например: *Ceraunia — montia Epiri; Actia — promontorium, ubi Octavius vicit Antonium; Tanaim — Tanais fluvius qui disternat Asiam ab Europa; Phalerno — monte Campaniae ubi est vinum optimum et nigrum; Oeagri — fluminis; Bistonis — stagni Thraciae; Baiae — civitas ubi sunt balnea Neapolim.*

Наконец, объяснениями снабжаются и слова, обозначающие собственно реалии. Среди них есть вещи (например: *mytrae — ornamenti capitis; odores — ex Arabia veniunt aromata et odorifera*), камни (например: *smaragdus — lapides preciosos; chrysolitos — lapis preciosus aurei coloris*), созвездия (например: *pleiades — signa caeli; Orion — signum caeli in cuius ortu semper aliquid tempestatis et fulguris excubans est caelo*), обычаи (например: *Prop. l. 5. 24: imaginibus — Solebant antiqui tenere imagines marmoreos suorum antecessorum domi... etc.*)

Следует отметить, что мы не обнаружили грубых ошибок ни в грамматической, ни в реальной части комментария. Комментарий сделан на хорошем филологическом уровне и весьма интересен, что говорит о компетентности его источника. Единственная оплошность, в которой можно было бы упрекнуть примечания петербургского кодекса, относится скорее к их внешней стороне и, по-видимому, лежит на совести переписчика, т. е. Мариана. Речь идет о мелких грамматических ошибках в латинском языке, большинство которых связано с неправильным согласованием и неверным употреблением падежных окончаний. Невнимание к окончаниям сродни суспенсию, т. е. недописыванию слов, и при хорошем знании предмета не вредит пониманию сути написанного. На наш взгляд, ошибки Мариана именно в окончаниях связаны с общим конспективным характером письма примечаний, о котором говорилось выше, и вызваны, по-видимому, поспешностью записи. Возможно, эта поспешность была вызвана тем, что Мариан писал со слуха, а не переписывал текст из рукописи-оригинала. Аргументом в пользу этого соображения могут служить ошибки (точнее, описки) внутри слов, типа *apptare* (вм. *aptare*), которые вряд ли возникли бы при переписке.

Итак, рассмотрев примечания к тексту элегий Проперция, мы можем сделать такие выводы. По-видимому, комментарий на полях петербургской рукописи Мариан де Магистрис записывал для себя (об этом говорят предварительно выписанные на полях имена; постановка стихотворных иктов и цезур; обилие сокращений, беглость написания и грамматические оплошности в примечаниях). Это означает, что он сам изучал текст Проперция, причем изучал глубоко, используя очень хороший

источник, отвечающий всем правилам филологического комментирования текста. Возможно, что этот «источник» Мариан воспринимал на слух, чем и объясняется чрезмерная беглость в записи некоторых примечаний. Упоминание в примечаниях имени Варрона, может указывать на близость Мариана к Римской академии. Впрочем, это вопрос для нового исследования. В любом случае на основании наших наблюдений можно сказать, что Мариан был гуманистом в том широком значении *vir doctus*, в котором это слово принято употреблять. Он увлекался римской поэзией (по крайней мере в молодые годы), старательно изучал ее и своим трудом способствовал ее сохранению и распространению. Примечания, сделанные Марианом на полях петербургской рукописи, косвенным образом указывают на его причастность к культурной среде гуманистов, и в частности близость семейству делла Валле. В них звучит интерес к римской старине, любовь к поэзии и мифологии, а также живо чувствуется новое мироощущение, выразившееся во внимании к человеку и его внутреннему миру. По-видимому, не случайно «указующим перстом» выделены в рукописи пассажи о переменчивости любви, скоротечности жизни и все эпитафии — они волновали молодого переписчика. Сквозь замечания и пометы просвечивает личность Мариана, отразившего в себе и достоинства и недостатки эпохи, когда благочестие сочеталось с внебрачными связями, а увлечение древней поэзией — с жестокостью нравов.

DE MARIANO DE MAGISTRIS DEQUE TIBULLI ET PROPERTII
CODICIS PETROPOLITANI IN BIBLIOTHECA PUBLICA
OLIM AUGUSTA CLASSICORUM LATINORUM IN QUARTO
CHARTACEORUM DUODECIMI SERUATI NOTIS MARGINIBUS
ASCRIPITIS

Haec commentatione agitur de notis inscriptis in marginibus codicis Tibulli et Propertii Petropolitani in Bibliotheca Publica olim Augusta (*Rossijskaja Natsional'naja Biblioteka, per compendium RNB*) Classicorum latinorum in Quarto chartaceorum duodecimi (Cl. lat. Q. ch. 12), quem codicem Romae a. 1463 Marianus de Magistris descripsit; praeterea, quidquid de uita eius notum est, in summam quandam redigitur.

Notis illis ad Tibullum quidem pauca adnotata, ad Propertium uero commentarius non inconcinne dispositus continetur, quo cum res grammaticae et rhetoricae, uelut uocabula et uerborum structura et significatio et formae et modi, tum antiquitates, uelut historia tam uera quam fabularis et geographia et uita communis, scienter explicantur. librarii proprium in usum haec congesta esse ex multis signis colligitur: nomina, ante quam commentario instructa, sola marginibus inscripta; ictus atque caesurae notatae; scripturae compendiorum frequens usus; denique ipsa litterarum

currenti calamo factarum scriptura lapsusque grammatici hic illic admissi.

Marianus de Magistris ipse operam Propertio dedisse uidetur, et quidem magna cum cura et subtilitate, ex bono quodam fonte hauriens, qui fons ad ea quae in scriptoribus ratione grammatica enarrandis exiguntur omnibus numeris respondeat, fortasse uia uoce Marianus haec addidit, qua re nimia in aliquibus adnotationibus perscribendis incuria bene intellegi possit. M. Terentii Varronis tum paucis noti in commentario mentio cogit de paucis cogitare, hoc loco existit quaestio, siue Marianus de Magistris cum Academiae Romanae sociis necessitudine quadam coniunctus, notae, quas Marianus de Magistris codicis Petropolitani marginibus ascripsit, indicant ipsum in humanitatis cultoribus quodam modo numeratum esse et certe uirum doctum fuisse.

Л. Г. КЛИМАНОВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ВЕНЕЦИАНСКИХ ДОКУМЕНТОВ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ СЕКЦИИ АРХИВА СПБНИИ РАН

В обширном собрании памятников письменности, созданном Николаем Петровичем Лихачевым (1862—1936)¹ в течение нескольких десятилетий перед Первой мировой войной и ныне хранящемся в доме, выстроенном им в 1902 г. для собираемых им по всему свету грамот, писем, автографов, книг, летучих печатных листков, предметов христианского искусства, икон,² то есть много материалов венецианского происхождения и относящихся к венецианским делам. Как об этом свидетельствуют многочисленные упоминания в его работах, заметках и письмах, русский ученый и коллекционер глубоко понимал историческую ценность многовекового венецианского исторического опыта, значение Венеции как места встречи Востока и Запада и как деятельного посредника между культурными мирами.³ И в наше время эта

¹ О Н. П. Лихачеве см.: *Климанов Л. Г.* 1) Ученый и коллекционер: «известный всей России, еще более Европе» // *Репрессированная наука*. Л., 1991. С. 424—453. 2) Николай Петрович Лихачев — коллекционер «векзюжного размаха» // Из коллекции академика Н. П. Лихачева: Каталог выставки [Русский музей, 1991 г.]. СПб., 1993. С. 7—28, 198—233, 276—279. 3) Н. П. Лихачев: византиноведение в рукописном наследии ученого // *Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге*. СПб., 1995. С. 181—212; 4) Н. П. Лихачев: «быть, чем только могу, полезным персистирующему ученому сословию» // *Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР*. М., 1995. С. 91—107. В этих статьях также приведена достаточно полная библиография статей и публикаций о Н. П. Лихачеве и его коллекциях, которые с тех пор дополнились рядом интересных работ, принадлежащих перу исследователей разных исторических дисциплин. См., например, статьи: *ВИД*, 1998. Т. 26; 2000. Т. 27.

² См.: *Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории*. М.; Л., 1958. С. 403—418, 450—506, а также разд. (с. 543: «Указатель личных вещей»).

³ См., в частности: *Лихачев Н. П.* Буллы: О венецианской сфрагистике и дипломатике // *Климанов Л. Г.* Византийские отражения в европейской сфрагистике: коллекция металлических печатей VII—XX вв. Н. П. Лихачева в Западноевропейской секции Архива СПбНИИ РАН. СПб., 1999. Приложение.